

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX в. «ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ИНОРОДЦАХ»

Сущность и основные положения этнической политики Российской Империи закреплены в важнейшем правовом документе – Своде Законов Российской Империи. Для понимания сущности этнополитики в России в XIX в. необходимо проанализировать содержание тех понятий, в которых нашли отражение соответствующие процессы. Термин «этнополитика», «национальный вопрос», которые используются в современной науке применительно к Российской Империи, имеют сравнительно недавнее происхождение. В России в XIX в. термины «этнос», «нация» не были широко распространены. В Своде Законов они и вовсе не употреблялись.

Категориальный аппарат российских имперских законов отличался ясностью словаря. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» объяснял, что народ – это люд, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем. Народность – совокупность свойств и быта, отличающих один народ от другого. Было понятно, что нация – то же, что народ, только по-французски.

Люд, народившийся на известном пространстве, поддавался количественной характеристике, тогда он представал как «народонаселенье, население, число народа в данную пору». Также имела значение качественная его характеристика. Тогда люд разделялся по вере, языку и образу жизни. Род – это россияне или русские, главным их признаком была православная вера. Православие являлось ядром русской этнонациональной идентичности. Поэтому принадлежность к вере означала принадлежность к роду. Также было население неправославного вероисповедания. Все неправославные обитатели империи назывались иноверцами. Этот люд иной веры, следовательно, и иного рода – инородцы, которые

* *Фадеичева Марианна Альфредовна* – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук.

тоже народились на российской территории, но верили, говорили, выглядели и жили по-другому. Однако они хоть и иного рода, но были своими в отличие от иностранцев, не российских подданных.

Иностранцы были «разных наименований». Разные наименования, вера, язык, внешний вид, образ жизни давали представление о народах Российской Империи. И род, и иностранцы были «обитателями империи», ее жителями. Обитатели империи, за исключением кочевых и бродячих, делились на городских и сельских обывателей. В процессе колонизации русское население распространялось и заселяло новые территории, вступало в контакт с народами, исконно населявшими эти территории, существенно отличаясь от них. Местные жители, исконные обитатели земель назывались туземцами. Туземец или туземка означали местного уроженца, природного жителя страны. В Своде Законов использовались понятия «туземное население», «туземный житель», «туземец», «туземная власть». Согласно Своду Законов регулировалась жизнь «туземного населения», его деление на волости и аулы с учетом местных удобств.

Российская Империя обладала всеми признаками империи: единоличная власть государя-императора, огромная территория, большая численность населения, высокая степень его разнородности. Вопрос поддержания спокойствия и порядка – это вопрос жизни империи. В инструментальном смысле он сводится к вопросу о способах управления.

Каждая из частей империи управлялась по Общему Учреждению или по Особенному Учреждению. Те части империи, которые имели одинаковый уровень развития и относительно однородное население, управлялись одинаково. К таким частям относились 49 губерний Центральной России, включая Урал. Те части империи, которые отличались и от центра, и друг от друга по уровню развития, по составу населения, управлялись по-разному. К таким «проблемным» частям империи относились ее «края». Особую сложность представляло разнородное население этих территорий. По Особенным Учреждениям управлялись губернии Царства Польского; Кавказский край, состоящий из двух частей – Северного Кавказа и Закавказья; Закаспийская область; Туркестанский край; облас-

ти Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская и Тургайская; Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства; губернии Тобольская и Томская и «племена разных инородцев».

Инородцы, кочевавшие по территориям, управляемым по Особенным Учреждениям, управлялись на основании Положения об управлении соответствующих краев и областей. В каждом Положении об управлении содержался раздел, посвященный управлению инородцами: так, например, «Временное Положение об управлении Закаспийской областью» в главе четвертой предусматривало «Местное управление туземным населением»; в «Положении об управлении Туркестанского края» в Установлениях сельских предусматривалось «I. Управление оседлого туземного населения», «II. Управление кочевого населения». «Положение об Инородцах» определяло управление инородцев сибирских, архангельских, инородцев, кочующих в Астраханской и Ставропольской губерниях; киргизов, кочующих в степях между Каспийским морем, Уральской областью и Астраханской губернией. Фактическое неравенство народов вынуждало управлять ими особыми способами, сообразуясь с местными обычаями, «местными удобствами для заведования населением, с порядком кочевания населения или пользования им поземельными угодьями, а где необходимо – и с родовым его разделением».

«Положение об Инородцах» – важнейший документ в Своде Законов Российской Империи, предназначенный для обеспечения рационального управления этносами, проживавшими на территории Российской Империи, существенно отличавшимися по внешнему виду, языку и образу жизни, находившимися на разных этапах исторического развития, составлявшими общества различных типов. Обращение к документу и его философско-категориальный анализ позволяют рассмотреть содержание установлений, которые определяли отношения между имперской властью и ее инородными подданными, пересмотреть некоторые представления, ставшие в отечественном общественном сознании советского периода стереотипными, сохраняющимися до настоящего времени. Особые установления в отношении различных народов могут быть рассмотрены как основные положения этнической политики. Однако практиче-

ское применение этих положений было затруднено; права этносов, предоставляемые законом, не были вполне реализованы. Невыполнимыми законы, помимо исторических причин, к числу которых можно отнести неграмотность основной массы населения, во многом оказывались благодаря их особым свойствам – их чрезвычайной сложности и излишней детализации.

Все обитатели Российской Империи относились к двум разрядам: к роду и к инородцам. Их многообразие ставило перед имперской властью задачу управления разнородным населением, распространенным на обширной территории. Именно для реализации этой задачи и разрабатывались документы, определяющие порядок управления. «Положение об Инородцах» включает в себя четыре раздела: раздел I – «О Сибирских инородцах»; раздел II – «Об инородцах Архангельской губернии, именуемых Самоедами»; раздел III – «Об инородцах в губерниях Ставропольской и Астраханской»; раздел IV – «Об управлении Киргизов, кочующих в степях между Каспийским морем, землею Уральского казачьего войска и губернией Астраханскою».

Законодатель благосклонно-патерналистски подробно и детально регламентирует жизнь разных народов. Прежде всего, инородцы были подразделены в силу их разнородности. Например, все сибирские инородцы «...по степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания, разделяются на три разряда: 1) на оседлых, 2) кочевых и 3) бродячих. К первому разряду принадлежат те инородцы, кои имеют постоянную оседлость, хлебопашество и живут деревнями или в городах, занимаясь торговлею и промыслом городских обывателей. Ко второму разряду принадлежат те, кои имеют оседлость хотя и постоянную, но по временам года переменяемую, и не живут деревнями. К третьему разряду принадлежат те инородцы, кои, не имея никакой оседлости, переходят с одного места на другое по лесам и рекам, или урочищам, для звероловного и рыболовного их промысла, отдельными родами или семействами»(2). «14. Чукчи в Приморской области, Дзюнгорцы в Юго-восточной части Томской губернии и инородцы островов Командорских составляют особые разряды». Особую проблему пред-

ставляли кочевые и бродячие инородцы. «136. Состояние инородцев, кочующих и бродячих, отличается: 1) непостоянством их жительства, 2) степенью их гражданского образования, 3) простотою нравов, 4) особыми обычаями, 5) образом пропитания, 6) трудностью взаимных сообщений, 7) недостатком монеты в обращении, 8) недостатком способов к сбыванию на месте лова и произведений».

Различный порядок жизни и особые способы управления вне исторического контекста выглядели неким свидетельством неравноправия и угнетения управляемых народов. Например, с точки зрения европейских либералов и демократов XIX в., Россия представлялась «тюрьмой народов». Однако неравноправие народов Российской Империи было обусловлено их неравенством – существенными различиями в исторически складывающемся образе жизни. Поскольку народы существенно отличались «по степени их гражданского состояния и образу жизни», т.е. находились на разных уровнях исторического развития, по сути, были неравны, Законодатель предусматривал для неравных народов неравные права, что было исторически целесообразно и социально справедливо. Для разных «разрядов» предусматривались разные права. Правам посвящена «Глава первая. О правах сибирских инородцев», включавшая в себя три Отделения. В «Отделении первом. О правах оседлых инородцев вообще», самом коротком, говорилось: «16. Все вообще оседлые инородцы сравниваются с Россиянами в правах и обязанностях, в которые они вступят. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений». Оседлые инородцы имели равные права с «Россиянами» – своим родом, и не подлежали никаким исключениям, так как имели тот же самый образ жизни, следовательно, и условия для податных сословий были одними и теми же. «Отделение второе. О правах кочевых инородцев» было подразделено на две части: I. О правах личных; II. О правах по имуществу. «26. Кочевые инородцы составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от него в образе управления». Весьма существенным представляется Примечание к этой статье: «Кочевые инородцы, с умножением хлебопашества, отнюдь не обращаются против их воли в сословие сельских обывателей и вообще, без собственного их желания, не включаются ни в

какое другое сословие». То же самое относилось и к другим кочевым инородцам: «442. Калмыки, кочующие в губерниях Астраханской и Ставропольской, находясь под покровительством общих законов Империи, наравне с прочими подданными, пользуются сверх того особыми правами... Калмыкам-простолюдинам дарованы все личные права, предоставленные общими законами Империи свободным сельским обывателям».

Империя, не лишая народы их самобытности и традиционности, не исключала возможность их модернизации. Благосклонность империи к инородцам проявлялась в учете их самобытности. Например, особенно предусматривалось в «Положении об Инородцах» сохранение почетных личных званий инородцев: «27. Все инородцы, носящие почетные звания между своими родовичами, как-то: князьцы, тоэны, зайсанги, шуленги и прочие, пользуются теми почестями, какие в местах их жительства обычай и степные законы им предоставляют».

Кочевые инородцы, как все подданные империи, участвовали в общих по губернии повинностях. Сохранение их самобытности требовало особого управления, поэтому они были обложены еще одной повинностью – повинностью для содержания степного управления. «196. Все сборы с инородцев суть трех родов, 1) подать, ясаком именуемая и поступающая в Кабинет Его Императорского Величества; 2) земские повинности; 3) повинности внутренне на содержание степного управления».

Просвещенная империя предусматривала просвещение подданных, кем бы они ни были. Поэтому кочевым инородцам Законодатель предоставлял право на образование. «30. Инородцы имеют право отдавать детей своих для обучения в учрежденные от правительства учебные заведения. Они имеют право заводить и собственные школы, но не иначе, как с позволения начальников губерний или областей». Обучение в русской школе для инородца не было обузой и унижением его «национального» достоинства, но было привилегией и преимуществом. Распространение русского языка среди инородцев, как и распространение православия, было также средством укрепления имперской государственности. Впрочем, учитывая процент неграмотных в Российской Империи даже

среди «населения коренного русского происхождения», рассуждать о насаждении русского языка, рассматривать его распространение как проявление русификации невозможно. Знание русского языка инородцами поощрялось. Иногда применялось материальное поощрение тех местных жителей, чьи дети учились в русских школах. В Туркестанском крае, например, за усердную службу, а также за знание русского языка должностные лица общего управления туземцев могут быть награждаемы, по усмотрению генерал-губернатора, почетными халатами или денежными выдачами. Русский язык распространялся среди инородцев не в качестве языка «господствовавшего» русского народа, а в качестве государственного языка, официального языка центральной власти. В государстве необходим язык, который был бы понятен всем. Без православия и русского языка туземцы, инородцы не могли сблизиться с державным народом, не могли изменить свой статус отсталых народов колониальных окраин. Усвоение православия и русского языка позволяло народам быть включенными в процесс модернизации. Распространение православия и русского языка следует оценивать не как ассимиляцию и русификацию, а как огосударствление недержавных народов. Историческое совпадение веры и языка русского народа с официальной религией и государственным языком Российской Империи создавало иллюзию о русском народе как господствующем и формировало представление о Российской Империи как русском государстве.

Кочевым инородцам гарантировались некоторые свободы. «31. Каждый из инородцев и целые роды имеют полную свободу в учрежденных местах приносить жалобы на стеснения и обиды». Важнейшим установлением была свобода вероисповедания: «33. Кочевые инородцы пользуются свободой в вероисповедании на основании правил, изложенных в Уставе Духовных Дел Иностраных Исповеданий». Принятие инородцами православия приветствовалось и поощрялось, допуская некоторое двоеверие, сохранение традиционных верований: так, например, самоедам, принявшим православие, предоставлялось «...сверх сооруженных уже в их тундрах храмов Божиих, строить новые церкви, не исключая и деревянных, но не иначе как с дозволения и по планам, одобренным Губернским Архитектором и Губернатором» (236).

Кочевым инородцам предоставлялись «широкие права по имуществу». «34. Кочевые инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли. Подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих, по жребью, или другим их обыкновениям». Земли для кочевания строго разграничивались, что было необходимо для защиты не только прав самих инородцев, но и их жизни. Имперская колонизация прекратила междоусобные войны инородных племен. «36. Инородцы ограждаются от взаимных стеснений, какие могут происходить от перехода одних племен на земли, другим племенам принадлежащие, для производства промыслов без обоюдного на то согласия». Особенно оговаривалось отношение русских колонистов к землям автохтонных народов: «37. Строго запрещается русским самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных; русские могут брать у инородцев места в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами». Соблюдение этнотерриториального принципа, трудно применимого в индустриальных и постиндустриальных обществах, в отношении доиндустриальных обществ имело положительное значение. Инородцы имели право свободно распоряжаться своей землей и заниматься на ней любой хозяйственной деятельностью: «35. Инородцы имеют полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и землях, каждому роду назначенных».

Имперский патернализм распространялся на всех подданных империи. Особое благосклонно-патерналистское отношение к инородцам проявлялось в том, что обязанности налагались в соответствии с их возможностями. Несмотря на неразвитость, они не были лишены прав. Чем менее развиты были племена различных инородцев, тем меньше обязанностей им предписывалось, тем меньше был с них «спрос», тем больше предоставлялось «льгот». Так, на бродячих инородцев, даже тех, кто жил «в отдалении и рассеянии», распространялось все то, что относилось к кочевым инородцам, и кроме этого дополнительные права, которые Законодатель называл «изъятиями и ограничениями»: «1)...бродячим инородцам назначаются по удобности целые полосы земли, и определяются только границы оных с землями, оседлым жителям и кочующим инород-

цам принадлежащими. 2) Бродячие инородцы не участвуют в денежных по губерниям земских повинностях и не производят никаких расходов на содержание степного управления. 3) На занимаемой ими полосе позволяется им переходить для промыслов из уезда в уезд и из губернии в губернию без всякого стеснения».

Особую заботу Законодатель проявлял о правах называемых в настоящее время «коренными малочисленными народами». Например, «17. Оседлые инородцы, обитающие на островах Командорских, по званию Российских подданных, наравне со всеми другими, пользуются покровительством общих государственных законов, обязываются повиноваться оным. 18. Во внимание неустроенного еще их (ст.17) состояния правительство не налагает на них ни ясака, ни податей и никаких повинностей». Гарантировалась защита их «прав по имуществу», так, в ст.24 говорится: «Всякое имущество, приобретенное трудами, покупкой или меною инородца, равно доставшееся по наследству, составляет неприкосновенную его собственность; покусившиеся на присвоение оной, или на причинение личных обид, преследуются всею строгостью законов».

К разряду привилегированных бродячих инородцев или ловцов были отнесены самоеды (самодийские народы, к которым относятся ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), которым также были предоставлены права, обеспечивающие их самобытность и поддерживающие их традиционный образ жизни. «230. Самоедам для кочевания назначена вся полоса земли, известная под названием Тиманской, Канинской и Большеземельной тундр, за отмежеванием определенных в 1840 г. участков к находившимся в сих тундрах селениям русских жителей. 231. По окончании отмежевания (ст.230), тундры утверждаются в потомственное владение Самоедов». Тундра для них была своеобразной чертой оседлости, которую они могли покидать: «235. Самоеды могут отлучаться из своей тундры или мест своего кочевания на расстояние ста верст в том же самом уезде без письменного вида, а далее не иначе, как с письменным видом Старост, коих надлежащее начальство снабжает для сего бланками». Это представляет собой меру не дискриминационную, но охранительную, так как бродячие инородцы, переходящие

с одного места на другое по рекам и урочищам, неизбежно сталкивались бы с другими бродячими, а также кочующими и оседлыми. Такое положение может показаться ограничением и нарушением «прав и свобод», однако это позволяло сохранить традиционный образ жизни и промысел самоедам: кочевать по территориям центральных губерний не имело смысла.

Законодатель проявлял заботу о здоровье инородцев. Строжайше запрещалось русским ввозить на продажу самоедам «горячих напитков». Следить за этим и останавливать продажу, отбирать напитки и представлять виновных начальству «для поступления по законам» обязан был самоедский староста. Запреты и ограничения на употребление алкоголя касались не только самоедцев, но и других народов. Например, в процессе улучшения нравственного и хозяйственного быта калмыков улусный попечитель должен был следить, «...чтобы никто не продавал в улусах и не передавал Калмыкам хлебного вина и всякого рода крепких напитков без разрешения местного губернского начальства и Попечителя Калмыцкого народа» (562). Не оставалось без внимания медико-санитарное и врачебное устройство. В калмыцких улусах требовалось сохранение чистоты и обеспечение врачебной помощи. «564. Улусные Попечители, при посредстве своих помощников, должны постепенно и осторожно действовать на убеждение Калмыков в отношении вреда, происходящего от способа их лечения у людей, вовсе к сему не приготовленных, и склонять, дабы они не чуждались медицинских пособий...567. Главный Попечитель и Управление Калмыцким народом в особенности должны заботиться о распространении между Калмыками оспопрививания; для обучения же в оспопрививатели, они избирают из Калмыков потребное число мальчиков».

Таким образом, оказывались прописанными права в отношении всех сторон жизни инородцев. Однако установление прав и строгая регламентация жизни не были самоцелью. Правила прописывались для того, чтобы в соответствии с ними осуществлялось управление с учетом местной специфики. Управление не могло быть единообразным из-за многообразия разнородных обитателей Российской Империи. Именно поэтому, например, из 224 статей

«Раздела первого “О Сибирских Инородцах”» 24 статьи первой главы посвящены правам инородцев, а 184 статьи главы второй относились к вопросам управления.

Имперское благосклонно-патерналистское отношение к инородцам имело прагматические основания. Всякая империя стремится к расширению территории и увеличению населения, поскольку территория и население – первые признаки государства и его важнейшие ресурсы. Правители Российской Империи были заинтересованы в увеличении поступлений доходов в казну, что требовало расширения территории и увеличения численности туземного населения. В этом отношении окраины рассматривались как источники пополнения государственной казны. Строго регламентировались подати и повинности, которые относились не только к «державному народу», но и к инородцам. Подданные, они же податные, ясачные должны были быть здоровыми, трезвыми, нравственными, законопослушными, благополучными и относительно состоятельными. Это было необходимо для успешного пополнения казны и поддержания спокойствия и порядка в Российской Империи.

Весьма интересовало получение ясака в казну. Отделение третье раздела второго «Положения об Инородцах» подробнейшим образом прописывало сдачу ясака самоедами и оценку рухляди. Рухлядь (меха) по закону делилась на обыкновенную и дорогую. На обыкновенную рухлядь (песца, горностая, белку и проч.) на три года постоянную цену устанавливал губернатор. Дорогая рухлядь (черные и чернобурые лисицы) оценивалась «на деньги», по виду в присутствии высочайшего начальства. Законодатель предусматривал, что «цена полагается особо на целые шкуры, т.е. с лапами и хвостами, и особая без оных». Все должно было быть собрано, сосчитано и сдано в казну. Сосчитаны должны были быть не только деньги и шкуры, но и население, которое деньгами и шкурами расплачивалось. Империя была заинтересована в увеличении населения, для чего и поддерживались «спокойствие и порядок» на туземных территориях. Там, где быстро устанавливалась твердая государственная власть, коренное население испытывало минимум неудобств и лишений. В отдаленных районах, где государственная власть была недостаточно сильна, туземное население страдало от

бесконтрольного хозяйничанья русских колонистов, например в Приамурье, на Камчатке, островах Курильских и Алеутских.

Что касается особенностей управления, то они зависели от того разряда, к которому относились управляемые: образ управления зависел от образа жизни. «7. Иностранцы оседлые в образе их управления причисляются к порядку волостному или городскому». Управление кочевыми иностранцами регламентировалось и осуществлялось «от частного к общему». Частное управление касалось каждого стойбища, улуса или рода, что называлось Родовым Управлением. Родовое управление осуществлял родовой старейшина – староста и один или два его помощника. Староста мог именоваться как угодно в соответствии с местными этническими обычаями «...даругою, шуленгою, зайсангом, родовым тайшею, князем, но токмо между своими родовичами; в сношениях же с правительством он называется во всех племенах «старостою» (10). По причине отсутствия письменности Родовое Управление производило все дела словесно. При объединении родов, улусов или стойбищ возникало Общее управление, представлявшее собой Иностранную Управу, которой во всем подчинялись Родовые Управления. В Иностранную Управу входил голова, два или более выборных помощника и письмоводитель, «если можно было завести письмоводство». Для управления многочисленными народами, если много родов соединялись «в одну общую зависимость», тогда необходимо учреждались Степные Думы. Степные Думы выполняли хозяйственные функции. Только забайкальские буряты имели свою Степную Думу. Степная Дума производила дела письменно.

Примечательно то, что все должности на разных уровнях управления были выборными. Закон устанавливал, что и частные старосты, и главные начальники выбираются на общем собрании рода-племени и лишь утверждаются губернским управлением. Из числа туземцев по выбору начальства назначались Волостные Управители и Аульные Старосты – «лица благонадежные, распорядительные и по преимуществу имеющие между туземцами влияние». К управлению не допускались лица, наказанные по приговору суда за преступления или проступки, «порочащие честь и доб-

рое имя туземца». Сменить же законно избранных можно было лишь только доказав их злоупотребления.

Иначе обстояло дело с бродячими инородцами, которые «по образу их жизни не имеют собственно никакого внутреннего управления, кроме семейного». Но если при соединении их в роды они приобретают «некоторую степень общежития», тогда они управляются старостами, которые в своем лице соединяют и Родовое Управление, и Инородную Управу: «64. Родовое Управление бродячих инородцев состоит из одного старосты...65. Староста имеет все права и власть обеих степеней степного управления (Родового Управления и Инородной Управы)». «Письменных дел староста сей не производит», так как среди ловцов «письмоводство» было завести невозможно (как и среди многих других инородных племен), поэтому «потребные сведения о вверенном ему роде» местной полиции предписывалось «заимствовать из его показаний».

Примечательны обязанности, которые Законодатель налагал на Родовые Управления и Инородные Управы. Родовое Управление должно осуществлять надзор за порядком во вверенном ему роде. Важнейшей его обязанностью было «...благосостояние вверенных ему людей, их спокойствие, довольство и безопасность» (139). Инородные Управы выполняли надзорные функции в отношении Родовых Управлений: «154. В качестве надзора Инородная Управа наблюдает: 1) чтобы законы, обычаи и обряды, правительством утвержденные, исполнялись непременно; 2) чтобы Родовое Управление действовало не иначе, как к общей пользе, и ни под каким видом не стесняло вверенных ему людей; 3) чтобы оно не упускало из вида нужд народных, но и не увеличивало бы напрасно показания об оных».

В Приморской и Амурской областях управление кочевыми и бродячими инородцами было предоставлено военным губернаторам, от которых Законодатель требовал управлять «...со строгою осмотрительностью в местном применении, и соображаясь при том с обычаями разных племен...и с местными условиями» (15).

Управлять огромной территорией с многонаrodnым населением, поддерживать на ней порядок и спокойствие можно было лишь разделив эту огромную территорию на части с однородным

населением, строго регламентируя жизнь однородного населения на отведенной для него территории на основании общих для всех обитателей Российской Империи законов, с учетом местной специфики.

Таким образом, каждая полиэтническая империя парадоксально содержит в себе предпосылки этнонационализма и сепаратизма. В процессе модернизации, какой бы она ни была, органической или неорганической (догоняющей, отвечающей на вызовы извне), каждое местное управление – «туземная власть» из местной и подчиненной желает стать независимой и государственной. Так возникает порядок этнонационализма: свой род (гомогенная популяция) – своя земля (территория) – своя волость – власть, правительственная сила (этническая элита, носящая «почетные звания между своими родовичами», пользующаяся почестями) – свое государство.

С одной стороны, Российская Империя из-за разброса цивилизационных характеристик ее народов, из-за существенных различий в их образе жизни и разной степени включенности в процесс модернизации, была вынуждена «разделять и властвовать», опираясь на «державный народ» – имперское ядро. Но, с другой стороны, Российская Империя была собирательницей земель и народов под единым началом. Таким образом, разделяя и объединяя, Российская Империя оказалась между двумя тенденциями: этнонационализмом и империализмом в развитии российской государственности. Перед этой альтернативой государство оказалось в связи с социальными трансформациями наступающего XX в.

Однако для XIX в. «Положение об Инородцах» представляло собой взвешенный и эффективный законодательный документ, дающий возможность осуществлять благосклонно-патерналистскую политику в отношении инородцев, толерантную этническую политику, соответствующую определенному состоянию российского общества.

Примечание. Все цитаты приводятся в соответствии с номерами статей по изданию: Положение об Инородцах // Свод Законов Российской Империи. СПб., 1897. Т.2, ч. 1. С. 303-338.